

**Письма Н.А.Боура
к Е.В.Желиховской и Н.В.Брусиловой (1925 г.)**

**1
Е.В.Желиховской**

Женева, 7 июня [1]925.

Глубокоуважаемая Елена Владимировна!

Очень благодарен Вам за Ваше письмо, за то, что Вы дали о себе знать, и я тотчас же по получении Вашего письма отвечаю. Я, действительно, все время следил за тем, не отыщу ли Вас где-либо за границей, но в Европе отыскать не мог, между тем мне очень хотелось еще при жизни передать Вам документ на завещанные Вам покойной Соф[и]ей Юльевной¹ деньги, самые же деньги я не мог, не имел решительно никакой возможности переслать Вам. И кто знает, не лучше ли это, ибо и деньги могли бы при Вас пропасть.

Вещи², завещанные Вашей сестре и Вам, были мною переданы, согласно доверенности, представленной мне Алексеем³ Филипповичем Фисаком, еще 5 января [1]918 года. Что с ними случилось, сведений я не имел, и только теперь узнаю из Вашего письма, что они пропали. Пропали бы и у меня, если бы остались, как погибло все мое имущество, все мои сбережения за 25 слишком лет.

Мне хотелось вручить Вам документ, но прежде, чем это сделать, хочу спросить у Вас, будете ли Вы в состоянии провести его с собою, затем, могу ли я совершенно свободно, без опасений, прислать Вам его, получите ли Вы его, есть ли у Вас возможность выдать мне нотариальную расписку в получении. Или, быть может, Вы дадите мне указание, кому я должен выдать, если не Вам.

Документ этот на Ваше имя – расписка Бессарабско-Таврического Банка за №30/2135 от 16/29 мая [1]918 года на сумму 9375 рублей в 5 %% облигациях Российского Государственного Займа 1906 года без талона и купонов. Время было такое, что нельзя было и думать о получении последних. Документ за подписью директора Банка Крупенского, бухгалтера Купина и кассира Исаева.

Наследственные пошлины, мною уплаченные, удержаны мною, вот почему в расписке Банка указана сумма в 9375 руб[лей]. По счастью, я смог вывезти с собой все дело покойной Софии Юльевны – мы выехали 5 января [1]920 года – и таким образом, все оправдательные документы при мне. Лишь недавно, отыскав Графиню Матильду⁴ Ивановну Витте⁵ и ее подопечного Льва Кирилловича Нарышкина, я имел возможность переслать ей в Брюссель документ на причитающуюся ему долю из наследственной кассы, – и я вздохнул свободный.

Письма 1 и 2 публикуются впервые по: ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 343; письмо 3 публикуется впервые по: ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 67.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Боур Николай Афанасьевич.

Желиховская Елена Владимировна (1874–1949) – общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской.

Брусилова Надежда Владимировна (1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, с 1910 г. жена военачальника Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926).

¹ Витте Софья Юльевна (1860–1917) – двоюродная сестра Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, жила в Одессе.

² Жемчуга семейные, стр. 310 Воспоминаний. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

«...Она [Софья Витте] в своем завещании оставила Лене десять тысяч рублей и нам с ней прекрасный семейный жемчуг» (*Брусилова Н.В. Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, ед. хр. 19а. Л. 343.*)

³ Далее зачеркнуто: *Тимофеевичем.*

⁴ Написано по слову: *Марию.*

⁵ Вдова гр[афа] Сергея Юльевича Витте. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Витте Матильда Ивановна (1863 – после 1926) – вторая жена С.Ю.Витте.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906), двоюродный брат Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

Дело еще не кончено, осталось сделать выдачи по моему усмотрению и выдать 1000 рублей Успенской церкви в станице Успенской Кубанской области, при которой похоронен брат завещательницы Александр⁶, и деньги эти были в банке на текущем счету и немного в %% бумагах, а не закончены выдачи, так как к тому времени перестала существовать и Россия. И эти документы при мне.

Выдача по моему усмотрению осталась одна – Медицинскому факультету Новороссийского Университета на образование премии за лучшую работу по туберкулезу имени покойной.

Пока сообщаю лишь это, если захотите, то могу сообщить и остальные подробности. Итак, буду ждать Вашего указания, должен ли я прислать Вам указанный документ.

Елена Григорьевна и Михаил Михайлович⁷ от души благодарят Вас за привет и добрую о них память, с своей стороны шлют Алексею Алексеевичу, Надежде Владимировне и Вам самые искренние пожелания здоровья и всякого благополучия.

Елена Григорьевна уже старушка, ей 84 года, здорова, слава Богу, но не выходит даже из своей комнаты, дни проводит в невероятной тоске, переживая в памяти счастливое прошлое. О ней мне нечего больше сказать.

Михаил Михайлович лежит в постели, страшно страдает, и только впрыскивания морфином на несколько часов облегчают его. Всеми врачами признан безнадежно больным. К счастью, сохранил все богатые умственные способности, много читает.

При нем его верный человек, бесконечно ему преданный Павел из России в качестве его гард-малад[а]⁸. Жена моя и я безотлучно при них, живем все очень скромно, приходится немало тратить на врача и аптеку. В последнее время стал болеть и я, но кое-как еще держусь, никуда уже для лечения не езжу, да и может ли оно мне помочь?

Живется здесь хорошо, покойно, но тревожит нас всех недалекое будущее. Целую руку Надежде Владимировне, шлю Вам сердечные пожелания здоровья и всякого благополучия. Если возможно, прошу передать мое глубочайшее уважение Алексею Алексеевичу.

Искренно и глубоко преданный Н.Боур⁹.

П[ост] С[крипту]. Не откажите сообщить мне, могу ли я написать в Одессу Марии Николаевне и Вильгельму¹⁰, и если можно, то и их адрес¹¹.

⁶ Полковник Нижегородского Драг[унского] Полка, Георгиевский Кавалер Турецкой Кампании 1877 года. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Витте Александр Юльевич (1845–1884) – полковник, двоюродный брат Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁷ Гр[афы] Толстые (мать и сын), очень богатые люди, большие благотворители г. Одессы. О них пишу в своих воспоминаниях, стр. 172. Скончались в Женеве. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Толстая Елена Григорьевна (1848–1926) – жена Михаила Михайловича Толстого (1835–1898), одесского общественного деятеля.

Толстой Михаил Михайлович (1863–1927) – одесский общественный деятель, коллекционер, меценат, сын М.М.Толстого.

«В Одессе было много докторов-евреев, но я особенно любила и глубоко уважала доктора по грудным болезням Бардаха. Кроме его популярности в медицинском мире как очень знающего и опытного врача, это был человек необычайно доброго сердца, великодушный, любящий своих пациентов и заботящийся о них, бессребреник. Его энергии обязана была Одесса своей станцией скорой помощи, санаторией для туберкулезных, обществом “Белой ромашки” и т.д. и т.д. И рядом с ним как щедрый жертвователь на все эти благотворительные дела в памяти моей встают красивые фигуры графа Мих[аила] Мих[айловича] Толстого и его матери, графини Елены Григорьевны. Это люди достойные памяти людской, город Одесса и окрестности ее многим, многим обязаны им. Если злая и несправедливая волна революции временно стерла их имена у населения в Одессе, то мы, помнящие и жившие в одно время с ними люди, должны писать и напоминать о них потомству. Пусть знает “беднота”, кем она пожертвовала, кого оскорбила кличкой “буржуев” и на кого променяла их и что получила взамен и какое возмездие ее постигло от провидения за ее глупую жестокость» (*Брусилова Н.В. Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, ед. хр. 19а. Л. 175–176.*)

⁸ сиделки (*фр. garde malade*).

⁹ Душеприказчик Софьи Юльевны Витте и тети Над[ежды] Андр[еевны] Фадеевой, а также и графа М.М.Толстого. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – тетья Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, с конца 1860-х гг. проживала в Одессе.

¹⁰ «Но пока я жива вот мои планы: если пенсию дадут и начнут выдавать летом, у меня будет материальная возможность, то мы поедем в Одессу навестить родные могилы и верных наших друзей-слуг. Там на квартире

Женева, 15 июня [1]925.

Глубокоуважаемая Елена Владимировна!

Только что получил Ваше письмо от 12 июня и спешу Вам ответить, пока Вы еще в Карлсбаде. Посылаю Вам при этом документ¹² на Ваше имя, о котором речь шла в прошлом моем письме, и прошу Вас прислать мне Вашу расписку в получении его, засвидетельствованную, как Вы говорите, в Министерстве Иностранных Дел, видимо, Чехословацком. С меня и такой расписки будет совершенно достаточно. Этим кончатся наши деловые сношения, но это не значит, что я не буду очень, очень рад иметь от Вас известия. Документ посылаю на Ваше имя лично. Других бумаг у меня для Вас не имеется, все, что у меня есть, это расписки и личная переписка, нужная мне сейчас и в будущем, когда могли бы с меня потребовать отчета, скажем, власти в будущей России. Конечно, если буду жив к тому времени.

Спрашивается, имеют ли какую-либо ценность %% бумаги, названные в расписке Бессарабского Банка. Могу ответить на этот вопрос то, что знаю. Эти бумаги в наличных имеют котировку на Парижской бирже, если не ошибаюсь, котируются по 17 с чем-то французских франков, но надо, чтобы у продавца они были в руках с талонами и всеми купонами. А можно ли продать такую расписку, этого сказать не могу, не знаю, проще говоря. И никогда не спрашивал об этом. И мне кажется, это единственный Российский заем, котирующийся на французской бирже. Будучи в Праге, Вы могли бы спросить в Министерстве финансов.

Нет сомнения, что там должны знать, ибо было в России немало чехов, обладавших такими именно бумагами и державших их на хранении в Государственном и иных банках.

Вашей сестре Надежде Владимировне буду отвечать сегодня же, в письме на ее имя найдете некоторые подробности, интересующие ее самое, несомненно, и Вас.

От души благодарю за внимание Алексея Алексеевича и Надежду Владимировну, сердечно желаю Вас здоровья и всякого благополучия.

Искренно и глубоко Вам преданный Н.Боур¹³.

бывшей тети Над[ежды] Андр[еевны] Фадеевой живут старая экономка ее и старик-лакей. Они пишут, зовут нас, чтобы разобрать оставшиеся бумаги, письма, книги тети» (Из письма Н.В.Брусиловой к М.И.Отман де Вилье. 17.05.1926 // ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 355. Л. 22); «Весной 1926 г. после 40-го дня кончины Алексея Алексеевича мы настолько были измучены, что мне пришло в голову поехать на юг, в наши родные места. <...> Мы поехали в Киев и Одессу... <...> Наша старушка, тетка матери, Над[ежда] Андр[еевна] Фадеева к тому времени тоже умерла и в ее разоренной квартире жили разные люди. Только старая верная ее горничная и друг всех нас Маша (М.Н.Куляшенец), да лакей, поляк Вильгельм, были еще живы и, встретив нас, окружили вниманием, заботой – сердечными и почтительными. <...> Из всей квартиры тети им оставили только каморку, хотя и светлую, – Вильгельму, а Маше – тетину спальню, в которой она нас и устроила, а сама ушла к дворничихе, также нас знавшей. Ал[ексей] Ал[ексеевич] незадолго до смерти своей писал военному коменданту в Одессу, просил оградить Машу и Вильгельма от всяких неприятностей, и большевики оставили им некоторую часть вещей и мебели, продавая которые старики, прослужившие около 40 лет в семье Фадеевых и Витте, могли не умереть с голоду» (Брусилова Н.В. Мои воспоминания и записки // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 21а. Л. 326–327).

¹¹ Горничная и лакей в семье Витте и Фадеевых. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

¹² Документ о десяти тыс[ячах] (10 т. р.) руб[лей], завещанных Софьей Юльевной Витте сестре моей Елене Вл[адимировне]. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

¹³ На обратной стороне листа с письмом записано Е.В.Желиховской: «Документ оставила дома. Тут страшно холодно и я безумно боюсь за Ал[ексея] Ал[ексеевича], что он не взял с собой драповое пальто. В общем, я хорошо поживаю, только на воздухе невозможно пить кофе, так холодно и облачно. Сегодня даже пойду не в горы, а в город. Завтра, в Субботу, жду твоего звонка между 10 и 10½ ч[асами]. Христос с Вами. Лена».

Женева, 15 июня [1]925.

Глубокоуважаемая Надежда Владимировна!

Спешу сегодня же ответить на интересующие Вас вопросы. Прежде всего, о выдаче, которую я обязан сделать, согласно выраженной в завещании воле покойной Софии Юльевны, Успенской церкви на содержание в порядке могилы Александра Юльевича. Это одна тысяча рублей. Но ведь теперь царских рублей не существует, а именно в виде царских рублей выдача эта приготовлена у меня. Никакой валюты иностранной я не имею, потеряв все свои сбережения, потеряв даже страховой полис, а своих сбережений у меня было до полутора тысяч рублей, и живу сейчас на всем готовом с Графом Михаилом Михайловичем и Графиней Еленой Григорьевной, получая сверх квартиры и стола 200 швейц[арских] фр[анков] в месяц, и на эти деньги и могу помогать моим родным в Одессе – брату с дочерьми и сестре. Решительно никаких сбережений в валюте не имею, то, что получаю, трачу на помощь ближним. Само собою разумеется, что по воскрешении России, по восстановлении нашего рубля, если только буду еще жив, тотчас же позабочусь об исполнении этой выдачи. Воля покойной Софии Юльевны для меня обязательна.

Последних строк Вашего письма я не совсем понял: идет ли речь о могиле Александра Юльевича или о могиле Софии Юльевны. Выше я сказал, что сумма, завещанная на первую, тысяча рублей. Что касается могилы Софии Юльевны, то на ней я поставил памятник так, как высказывалась при жизни сама София Юльевна, и постройка памятника мне обошлась в 1700 рублей. И один только раз до отъезда произведена посадка цветов у могил Ольги¹⁴ и Софии Юльевны с затратой на это 44 рублей 50 коп[еек].

Мне прекрасно известна бесконечная преданность Марии Николаевны и Вильгельма покойной Надежде Андреевне, я видел проявления этой глубочайшей преданности сам, и поэтому я с величайшим удовольствием готов им помочь из свободных остатков, но опять-таки по воскрешении России, а остатков этих у меня на текущем счету в Одесском Учетном Банке 3034 руб[ля] 71 к[опейка].

Затем сообщаю Вам все то, что касается Надежды Андреевны, скончавшейся 9 июня 1919 года¹⁵.

После ее кончины на руках у Марии Николаевны найдено нотариальное завещание покойной, из содержания коего усматриваются следующие назначения:

г. Яхонтову ¹⁶	5000 рублей
Надежде Владимировне Брусиловой	5000
Елене Владимировне Желиховской	5000
Вере Владимировне Джонстон ¹⁷	2000
Марии Николаевне Куляшниковой	3000
Одесской Городской Богадельне на кровать имени крестного отца и матери	2500
Той же Богадельне на кровать сестры Екатерины	2500

¹⁴ Витте Ольга Юльевна (1858–1908) – двоюродная сестра Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, проживала в Одессе.

¹⁵ «А тетьа Надежда Андреевна потеряла все свои деньги при большевистском перевороте и умерла в Одессе, одинокая, глубокая старушка, на руках у горничной Маши». (Брусилова Н.В. Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 38); «Портреты их [А.М. и Е.П. Фадеевых] масляными красками достались нам после смерти тети Надежды Андреевны Фадеевой и висят в Москве в моей комнате» (Брусилова Н.В. Воспоминания // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 22в. Л. 418).

¹⁶ Яхонтов Ростислав Николаевич (1858–1924) – генерал-майор, сын В.П.Желиховской.

¹⁷ Джонстон Вера Владимировна (1863–1920) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, с 1888 г. жена ирландского востоковеда и теософа Чарльза Джонстона (1867–1931).

Одесскому инвалидному Дому	3000
Церкви на Одесском Старом Кладбище	3000
церкви в г. Тифлисе	2000
Одесскому Дому трудолюбия	2000
Одесскому Обществу покровительства Животных	2000

Итого 38500

Весь остальной капитал Софии Юльевне.

Капитала же осталось по 5 квитанциям банков – 55062–50 р[убля].

Эти квитанции были переданы для утверждения духовного завещания присяжному поверенному Александру Соломоновичу Исаковичу вместе с подлинным завещанием, у него на руках и осталось все производство. Какова судьба этого производства, мне не известно.

Завещание осталось не утвержденным, так как кончина Надежды Андреевны последовала в июне (режим большевиков), а Добровольческая Армия овладела Одессой в первой половине августа. Судебные установления стали действовать лишь в конце сентября или даже в октябре, а в декабре того же года снова стали готовиться к эвакуации города.

А вот и части оставшегося после кончины Надежды Андреевны капитала.

1. Квитанция Бессарабско-Таврического Банка за №7087.

5% заем 1906 г. с купоном 1 сент[ября] [1]913 г. 25125 руб[лей]

2. квитанция того же банка за №17541 наличными 15937–50

3. квитанция I-го Одесск[ого] Общ[еств]ва Взаимн[ого] Кредита за №3695.

5% облигации Одесск[ого] Городск[ого] Кредитн[ого] Общ[еств]ва с купоном 2 июля [1]917 4000 руб[лей]

4. квитанция того же Общества за №6121.

5% заем 1905 г. 3000

5% второй заем 1906 г. 2000

5% облигации Одесск[ого] Гор[одского]

Кред[итного] Общ[еств]ва 400

то же 100

4% облиг[ации] того же общ[еств]ва 500

----- 6000

5. квитанция того же Общ[еств]ва за №6916.

5% облиг[ации] Одесск[ого] Гор[одского]

Кред[итного] Общ[еств]ва 1000

4% облиг[ации] того же общ[еств]ва 3000

----- 4000

Всего 55062-50

Все производство, все документы переданы мною лично присяжному поверенному А.С.Исаковичу, молодому, талантливому присяжному поверенному, который быстро и умело провел дело Софии Юльевны, человеку очень тактичному, – что при тогдашних обстоятельствах приходилось иметь в виду. Жив ли он, сведений не имею, но полагаю, что жив. Где он жил, Мария Николаевна и Вильгельм знали.

Это сведения, которые могут Вас интересовать.

Все, что я делал по делам Надежды Андреевны и Софии Юльевны, было известно Толстым, я нарочито создавал для себя контроль.

Будьте же здоровы, глубокий мой привет Алексею Алексеевичу, Вам целую руку.

Искренно и глубоко преданный Н.Боур¹⁸.

¹⁸ На обратной стороне последней страницы письма записано Н.В.Брусиловой: «Все пропало и украдено».